

Призвание художника

Вадим КОЖЕВНИКОВ

Двадцатый съезд нашей Коммунистической партии открыл необозримые горизонты будущего...

И все-таки они мечтали, пытались иногда дерзко, иногда робко рисовать в воображении коммунистическое общество...

Ленин вспоминали наши мечты, открыл широчайшие горизонты нашего будущего...

На днях я узнал, что в дни, когда по московскому телевидению передается хорошая программа...

Вспоминаю первые годы советской власти, приходится удивляться по тому, что обильные тогдашние мечты народа...

Ленин не очень протестовал, когда Герберт Уэлс, полагая, что планы и расчеты коммунистов России основаны на благих намерениях...

Я ездил прошлой осенью по Румынии. Пока не так уж часто увидишь там электрический свет в деревне...

«Ленинский путь» — так называется в Румынии одно из передовых коллективных хозяйств в Бранештском районе...

А разве на каком-либо другом пути был возможен для нашей Родины такой промышленный и технический прогресс...

Конечно, нет! Мы знаем, что выполнение этого плана великого преобразования нашей страны будет означать гигантский скачок вперед...

Советские люди всех профессий громко и смело заявляют в эти дни о своей готовности трудом и творчеством способствовать успешному превращению в жизнь новых предначертаний ленинской партии...

Эта она, наша социалистическая действительность, дала возможность показать всему свету первый — чрезвычайной научной и технической сложности — пример использования атомной энергии в мирных целях!

Решения съезда приветствуют и одобряют труженики нашей страны, все честные люди мира. И в первую очередь приветствуют они слова, записанные в Резолюции XX съезда Коммунистической партии Советского Союза...

Александр ЖАРОВ

Творческий вечер Назыма Хикмета

Погас свет, и перед зрителями прошли кадры диафильма, посвященного героической жизни Назыма Хикмета...

Так начался творческий вечер Назыма Хикмета, состоявшийся 1 марта в Центральном доме работников искусств в Москве...

Свои новые переводы из произведений Хикмета прочитала на вечере М. Павлова. В зале звучали стихи поэта, зовущие к жизни и борьбе...

В концертном отделении были показаны сцены из спектаклей Московского театра имени М. Н. Ермоловой «Чудак» и Московского областного театра драмы «Легенда о любви».

ГОВОРИТ СОВЕТСКИЕ ЛЮДИ

Думы о XX съезде

Что говорят, о чем думают в эти дни советские люди? Наши корреспонденты обошли несколько домов окраинной улицы Первой Дубровской...

Первый, с кем мы познакомилась, был инструктор Ждановского района партии Николай Жуков. Молодой партийный работник, он еще совсем недавно был токарем...



Инструктор райкома партии Н. Жуков: «Порой кажется, что сам Ильич вел XX съезд».



Студентка Л. Портнова: «Судя бы специалистом, и обязательно на производстве».



Инженер Н. Купрашин: «Партия щедро вводит науку в жизнь».



Почтальон Е. Козлова: «Как много партии и правительству о народе заботятся».



Парикмахер А. Тараканов: «Очень рад, что пересматривается пенсионный закон».



Служащий А. Бородин: «Быстро входят в наш быт и характер черты коммунизма».



Дворник М. Данилов: «Таких улиц, наверно, тысячи в новой пятилетке построит».

ве мужа Ивана Васильевича Портнова и их дочь — студентку Людмилу мы застали за телевизором...

дана, Свердловское. Может быть, потому и Людмилу потянуло на производство...

бюро нефтяной промышленности, Купрашин закончил аспирантуру и скоро будет защищать диссертацию о выхвачках насосов...

пожилой — до революции была кондуктором трамвая, а в канун войны — в сорочковом полку...

Тараканова. Он живет вдвоем с супругой и прикинул к своему окну городских пернатых...

теперь, словно рассуждая вслух, говорит: «Новые жилые дома, сокращение рабочего дня, увеличение пенсий, уже в этом году накануне выходного дня и под предзвонки будильника...

конце улицы, за мостом — башенные краны — сказочные силаны все тянут и тянут, будто из-под земли, стены других, еще лучших домов...

«Хочу быть специалистом, и обязательно на производстве», — пояснила Люда. — Очень интересно попасть на завод, где будут делаться турбины для станций-гигантов шестой пятилетки.

Дворник объяснил, как пройтись в третий корпус, в квартиру инженера Николая Николаевича Купрашина. Дверь на пятом этаже открыла его жена...

Елизавета Ивановна Козлова работает почтальоном в доме по Первой Дубровской улице. Человек один из конструкторских

Над окнами десятой квартиры в одиннадцатом корпусе стали кружить голубы. Вот по этому адресу мы и нашли старого парикмахера Андрея Ивановича

Александр Александрович Бородин — работник подпольного завода. Внимательно, с карандашом в руке, он дважды перечитал решения съезда, и вот

Нед Первой Дубровской — голубое небо. В его предвечерней глубине мелькнул белый голубь и скрылся где-то под окнами одной из новых школ. А там, в

Да, и будут жить на этих улицах какие же простые советские люди, с какими мы сегодня встретились на Первой Дубровской, — люди, идущие с душой о партии в светлое, близкое завтра.

С. КУЛИКОВ

Фото Е. ТИХАНОВА

«Народы Великобритании и Советского Союза хотят быть друзьями»

В Ленинграде с 25 февраля гостит делегация муниципалитета города Манчестера. Английские гости, приехавшие по приглашению Ленинградского городского Совета...

Делегаты побывали в Русском музее, в одной из ленинградских средних школ, в детском доме, в троллейбусном парке, в университете, присутствовали на спектакле «Декабристы» в Академическом театре оперы и балета имени С. М. Бирова...

Вчера члены делегации посетили швейную фабрику имени Володарского. Они побывали в цехах, беседовали с рабочими, интересовались условиями их труда и отдыха.

Затем гости посетили больницу имени В. И. Ленина. Они осмотрели травматологическое, хирургическое отделения, рентгеновский кабинет и другие лечебные помещения, интересовались снабжением больницы медикаментами.

Во второй половине дня гости осматривали Ленинградский метрополитен.

Вечером члены делегации побывали в одном из крупнейших культурно-просветительных учреждений города — Дворце культуры имени С. М. Кирова, присутствовали на занятиях коллективов художественной самодеятельности.

Корреспондент «Литературной газеты» обратился к главе делегации муниципалитета города Манчестера лорд-марку Томасу Ригену с просьбой сообщить его мнение о перспективах развития дружбы между двумя городами.

«Я верю в то, — сообщил Томас Риген, — что в основе своей все люди по природе дружелюбны и очень добродушно настроены друг к другу. Я совершенно уверен, что жители Манчестера хотят быть друзьями с жителями Ленинграда. За время моего краткого пребывания в Ленинграде я имел полную возможность убедиться в том, что жители Ленинграда испытывают такие же чувства по отношению к жителям Манчестера. По существу, это означает, что народы Великобритании и Советского Союза хотят быть друзьями, как и вообще все миролюбивые народы.

В связи с предстоящей поездкой советских руководителей в Англию наш корреспондент спросил Томаса Ригена, как относится английская общественность к этому визиту.

«На этот вопрос, — говорит Томас Риген, — лучшим ответом является то, что Н. А. Булганин и Н. С. Хрущев прибывают в Великобританию в качестве гостей правительства ее величества. Такое большое количество городов Великобритании обратилось к правительству ее величества с просьбой включить посещение этих городов в программу предстоящего визита, что будет, вероятно, невозможно удовлетворить желание части из них.

«Когда было объявлено об этом визите, я как лорд-марк Манчестера высказал настоятельное желание, чтобы в программу визита Н. А. Булганина и Н. С. Хрущева было включено посещение Манчестера. И я искренне надеюсь, что это окажется возможным.

«У нас широко распространено убеждение, — сказал в заключение г-н Риген, — что наши две великие страны должны лучше узнать друг друга, и взаимные посещения государственных деятелей и представителей городов, несомненно, принесут большую пользу.

ЛЕНИНГРАД 2 марта. (Соб. корр.)

50-летие шведского писателя Артура Лундквиста

Шведская общественность отмечает сегодня 50-летие известного писателя Артура Лундквиста.

Лундквист пришел в литературу в 1928 году. Поразительно широкий круг его литературных интересов. Читатели знают этого талантливого писателя не только по сборникам стихов и художественной прозе. Много творческих сил отдает он литературной критике и такому жанру, как путевые очерки.

Большой интерес вызвал недавно вышедший в свет роман Лундквиста «Дарунга или молоко волчицы», затрагивающий острую социальную тему.

Путевые очерки Артура Лундквиста заслужили признание широкого читателя. Писатель побывал во многих странах. Его путевые очерки обладают всеми качествами художественной прозы, они ценны глубоким интересом писателя к жизни народов, к их судьбам.

«Я старался изо всех сил понять Индию, постигнуть подлинную истину об Индии, поэтому меня меньше занимала историческая, классическая Индия, чем современная, с существующим общественным порядком, живущая многомиллионная Индия», — писал Лундквист в своих очерках об Индии, вышедших отдельной книгой.

В конце 1954 года писатель посетил Китайскую Народную Республику. «То, что Китай — наиболее крупная азиатская страна — создал для себя новую эффективную общественную систему и начал во многих областях революционные преобразования, является само по себе весьма обнадеживающим признаком», — говорит он в своей книге, вышедшей в свет в Стокгольме в прошлом году.

«Маки Ташкента» — так назвал писатель книгу очерков, которую он написал после своей поездки в СССР в 1952 году. Очерки Лундквиста проникнуты чувством симпатии и уважения к нашей стране, к советским людям.

Артур Лундквист страстно выступает за укрепление дружественных экономических и культурных связей между народами, за сохранение мира. В своих статьях и речах, в своих книгах он вновь и вновь подчеркивает глубокое убеждение, что мирное осуществление государства с различным общественным укладом является самым настоятельным требованием нашего времени.

В 1950 году Артур Лундквист был избран вице-председателем Всемирного Совета Мира.

Миллионы людей доброй воли во всех странах приветствуют сегодня талантливого писателя и желают ему новых успехов в его творческой работе в его общественном служении благородному делу мира и дружбы между народами.

М. РОЗОВА



## День поэзии в горном ауле

Традиционный воскресный базар в Дженгутае уадала на славу. Из окрестностей селищ еще с субботы потянулись вереницы подвоя. Писатели, спешившие из Махачкалы в Дженгутай, волновались: хотя о Дне поэзии извещали сотни огромных афиш, расклеенных по всем окрестным аулам и в районном центре — Буйнакске, было все-таки боляно. Хорошо то, что выбранный базарный день, когда у людей так много хлопот? А тут еще эта служба! До стихов ли людям, привыкшим к соли-чу, когда на улице 12 градусов мороза? Но опасения оказались напрасными.

В канун воскресного базара в дагестанском ауле состоялся литературный вечер. Во вместительном клубе собралось свыше тысячи колхозников. Со сцены звучало живое поэтическое слово. Поэты-кумыки получили десятки записок: «Джамат (общество, сдод) просит, чтоб поскорей выступил поэт Аскерханов», «Абдурагимовая просит прочитать стихи об учителе», «Абдураманова просит прочесть „Девушка осталась незажатой“».

Неродный поэт Дагестана 77-летний Казиу Али, приехавший в Дженгутай за полтора часа верст из равнинного Хасавюрта, прочитал свои стихи о гражданской войне. В зале нашлись люди, вовсехи вместе с Казиу в перизанском отряде. Поэт вспомнил грустную песню о Дауде, которую довелось хоронить в болотах Полесья любимого брата Абдулкадыра. Оказалось, что герои песни старого Казиу, вместе с которыми он еще в 1914 году начал войну, сохранились в Дженгутае. Поэт окружил родственников Дауда, увел домой, ухаживал за ним, как за самым близким человеком.

С напряженным вниманием слушали и прозу. Ее читал на вечернем земляк дженгутаец Амир Курбанов — драматург, заслуженный деятель искусства Дагестана.

В воскресенье с утра дженгутайский культмаг окружил десятки людей. Книжничью торговлю вывели на улицу. Кумыкские поэты были еще раз приятно поражены — за их автографами выстраивались очереди и в аулах Камлы. Султенов за час распродал доступные в магазин сотни экземпляров своих «Сказок». Нароскват шли книги Казиу Али, Абдул-Вагаба Сулейманова, Аткая и других.

Поэтов целый день осаждали читатели. Они жаловались на плохую организацию в аулах книжной торговли. Еще в прошлом году вышли «Мои думы» Сулейманова, а в Дженгутае этой книги нет. В 1955 году вышел «Рассказ соседя» Казиу, а в 1954 году — «Мечта» Шарипа Альбериева, но и этих книг в ауле не достать.

— Почему нет стихов Расула Гамзатова в переводе на кумыкский язык? — спрашивали старики.

Что можно было им ответить? Конечно, необходимо, чтобы авторы могли читать книги латинским писателям на своем родном языке авара, а кумыки знали бы переводы стихов Гамзатова.

В Дженгутае побывало свыше двадцати кумыкских писателей. Многие потом рассказали по соседним аулам, где продолжался День поэзии.

Весной Союз писателей предполагает провести День поэзии еще выше в горах — в Хунзахе, Ботлихе, Цумадае.

А. НАЗАРОВИЧ

МАХАЧКАЛА

МУСА ДЖАЛИЛЬ

### ЧТО НИ ДЕНЬ...

Что ни день, на почту захожу я,  
Только нет мне вестей никакой.  
С той поры, как мы с тобой  
расстались,  
Я не знаю — где ты, дорогой?  
Приезжают раненые с фронта,  
И у них бывала много раз.  
Но когда ты бросился в атаку,  
Их с тобою не было в тот час.  
Лишь на карточке тебя я вижу.  
Где ж ты, сокол, скрылся-запнулся?

Иль на дне кровавого окопа  
Ты, бесильный, замертво упал?  
Дважды лист березы вышукана,  
Дважды, желтый, падал он в лесу,  
Дважды песнями своими славил  
Жаворонок вешию красу.  
А тебя не видно и не слышно —  
Может быть, прошла любовь —  
не жди?

Иль давно уже не бьется сердце,  
Не трепещет у тебя в груди?  
Грустно, грустно ты глядишь в глаза  
мне,  
Где ж ты, друг? Куда ушел ты  
с Волге?

Лишь в мечтах я вижу облик твой.  
Я тебя, любимый, потеряла  
В пору самых лучших наших дней,  
В душу мою твой смогрели очи,  
Ягоди-черемухи черней.

Как иду на ключ я за водою,  
— Вудто ты стоишь передо мной.  
Вспоминаю первые свидания  
Над ручьем, над светлею волной.  
Ветер ветер. Клонится под ветром.  
И шумит камыш по берегам.  
Лишь весной я на знакомый мостик,  
Слезы сами падают к ногам.  
Хорошо нам будет, мой любимый,  
Как с победой ты придешь в свой дом.

И в обнилку по садам весенним  
Может статься, снова мы пройдем.  
Перевел м. ИСАКОВСКИЙ

### ТЫ ЖДИ...

Блестящая вновь, взойдет над миром  
солнце,  
И росы на равнинах упадут.  
Тебе придет мой дальний, одинокий,  
Пусть западные ветры принесут.

Передо мной военная дорога,  
Остался позади отцовский дом.  
Дождись меня! К тебе вернусь я  
и скоро  
Освободившим родину бойцом.

Одеты снова в шелковые платья,  
Вся, как мечта, наряжена  
в цветы,  
Ты выйдешь, переполненная  
счастьем,  
И снова, может быть, заплачешь ты.

А ты стоишь, сияя, как светило,  
Со мною рядом, глядя на меня.  
И зазвучит над нами песнь  
победы,  
В ней будет жить солдатский голос  
мой...

Я эту песню на полях сражений  
Пю лишь для тебя, тебя одной!

Перевел м. СВЕТЛОВ

\* Эти строки в блокноте прочтешь  
пока не упадешь...  
ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА  
3 марта 1956 г. № 27

## НА ТЕМЫ ВОСПИТАНИЯ

# Это — окупится!..

Ф. ВИГДОРОВА

Прозвонел последний звонок, школьный день кончился. За одним мальчишкой пришла мама, за другим — старшая сестра. За Геней не пришли, но его дом рядом, а дома Геню ждет бабушка.

За Толей Амбаровским, учеником 1-го класса 195-й ленинградской школы, никто не приходит, и дома его никто не ждет. Отца у Толи нет, мама работает маляром, и вернется она только часам к семи вечера. И Толя сам себе хозяин. Это непривычно. Ведь прежде как было?

Ты утром приходишь в детский сад — и до самого вечера тебя опекали и заботились о тебе. И хочешь не хочешь, — ты мыл руки перед едой, завязывал шарф и застегивал пальто перед прогулкой. И если ты, бывало, сидишь, как неприкаянный, тебя непременно спросит, почему грустишь? Да еще температуру измерят, покажут.

И вот все изменилось. Тебе минуло семь лет, ты стал школьником. И к часу дня ты свободен. Ну, конечно, надо делать уроки. Но где это сказано, что за уроки надо садиться, едва вернувшись из школы?

Лоб у Толи открытый, чистый, волосы причесаны на косой пробор. Поглядывай: тихий, аккуратный мальчик, и на вид ему гораздо меньше семи, такой он хрупкий и маленький. Но нрав у Толи решительный, самостоятельный, а глаза из-под длинных ресниц смотрят прямо и независимо.

Толя живет недалеко от набережной. Ранней осенью он забрался по трапу на баржу. Оплянуться не успел — трап убрал. Он решил выпрыгнуть на берег, но угодила в воду.

— Я хорошо прыгал, — объясняет он самодовольно, — просто зацепился, а то допрыгнул бы.

Его вытаскивали, и он, по счастью, даже не простудился.

Охладило ли его это дело? Ничуть! Снова прыгнуть, да так, чтобы не промазались, — он обирается заниматься этим, как только встанет река.

У Ваши Приемшовой мать — кладовщица, отца нет. Поглядывая на эту девочку в черном школьном переднике, никак не подумашь, что она сама себе хозяйка.

Между тем Валя никто не будит, она сама встает вскоре после маминго ухода, сама собирает в школу, сама разогреть себе еду, возвращается домой. Ей, как и Толе, семь лет.

У Люды Абрамовой отец есть, но мать развита парализком, а ребят в семье трое и приглядеть за Людой некому.

До осени прошлого года все эти ребята ходили в детский сад, и за ними был присмотр — постоянный, ежесменный. Мать забирала ребенка, возвращаясь с работы, а весь день была за него спокойна. Но как быть теперь? Как ей работать, зная, что мальчишка прыгает с баржи, бегает по улицам, а уроков не учит, во-вторых, не поет, не поит? Что ты делать матери?

Во время войны существовали в школе группы так называемого продленного дня. Кончались уроки, но малыши, мать которых работала до вечера, мог остаться в школе — его ждали обед, прогулка. Потом под наблюдением учительницы они готовили уроки, отдыхали и возвращались домой к приходу матери.

В 195-й ленинградской школе до сих пор помнят, как руководила такой группой старая опытная учительница Александра Ефимова Иванова. Она и комнату постоянную отвоевала, чтоб не гонять ребят из одного помещения в другое, и постаралась убраться ее поуютнее.

Группа, которую вела Александра Ефимова, просуществовала до 1946 года, но о ней расскажем вам и сейчас — хорошее долго помнится. Ребята играли, увлеклись кукольным театром, приохотились к чтению, не озорничали, и не только потому, что не хватало времени на озорство, — просто оказалось, что есть вещи поинтереснее, — книга, игра, рассказ учительницы.

Если спросить директора школы, учителей, нужны ли группы продленного дня и в каких классах следует их устраивать, вам ответят: нужны, необходимы — и не только для первого класса, но и для всей начальной школы.

## По следам песен Джалиля

Юрий КОРОЛЬКОВ

До сих пор сведения о жизни героя-поэта Мусы Джалиля прерывались, подолгая осенним месяцам 1942 года. На Волховском фронте он попал в окружение и пропал без вести. Потом, много лет спустя, в Союз писателей пришел пакет со стихами Джалиля, написанными в моабитском застенке. Их переслали в Москву бальбийский партизан Андрей Тиммерманс, томившийся вместе с поэтом в берлинской тюрьме Моабит. И это все.

О нестигаемой воле Мусы Джалиля, его самоотверженной и неравной борьбе с гитлеровцами мы узнавали, — а порой только догадывались! — по его стихам из моабитских тетрадей. Так в утренней дымке и предвсвечетном тумане угадываются величественные очертания большого, но еще невидимого города.

Муса Джалиль сам подказал это: Как волшебный клубок из сказки,  
Песни — на всем своем пути;  
Идите по следу до самой последней,  
Куда захотите меня найти!

Да, мы шли по следам его песен и находили в них стрихи героической биографии поэта.

Что делать?  
Отказался от слова,  
последнего слова друг-пистолет.  
Враг мне сковал полумертвые руки,  
Пыль замела мой кровавый след...

Значит, Муса был тяжело ранен и его бесчисленным захватили враги.

Или другие строки:  
Колочей проволочи часточком...  
Окужены бараки и пещки...

Это фашистский концлагерь, в котором томился поэт, откуда с тоской и надеждой глядел на далекий лес у линии горизонта, где, вероятно, скрывались партизаны, где... может быть, товарищ «Г»

Большое дело замыслил,  
И чудится — я слышу в темноте,  
Как храбрый саблто направлял...

Как мало знали мы о последних годах поэта!

И вот нежданый звонок в редакцию из Стерлитамака. Далекий, приглушенный расстоянием голос пробивается сквозь досадный писк заумеров и неответные технические помехи: в Стерлитамаке обнаружены новые неизвестные стихи поэта, их при-

стали посещать группу, — значит, в зарплате неждет. А кто будет оплачивать учителю отпуск? А бюджетный?

Что ни день, то надо одолевать новое препятствие, решать новую задачу: нет помещения для группы; педагог отказался работать — его не устраивают колебания в зарплате. В столовой ремонт, а малышей надо кормить обедом... И, бывае, директор задумывается: да стоит ли зваливать на себя еще и этот груз? Не лучше ли, чтоб все пило, как прежде? И хочется спросить руководителей Министерства просвещения и Министерства финансов: можно ли большое, государственно важное дело обречь на неудачу, ставить его в зависимость от доброй воли директора, от его желания или нежелания брать на себя лишнюю ответственность?

А дело это поистине огромное. От этого во многом зависит и покой работницы-матери. И успеваемость школьников. И его дисциплина. И его характер. Иначе говоря, — воспитание детей.

Семь лет — возраст первых и глубоких впечатлений. Первая буква, первое прочитанное слово. Первые учебные обязанности, более серьезные. Только режимом, только неустанным присмотром это достигается. Все хорошее, чем будут потом гордиться мать и учитель, закладывается в начальной школе. Все худое, с чем станут бороться потом родители и педагоги, тоже возникает сейчас, в эти годы и на этом пространстве между школой и домом, — в том случае, когда нет присмотра, а есть ничем не заполненный досуг или, попросту, беззащитность.

Идут занятия в группе продленного дня 195-й школы. У доски — Толя Амбаровский. Он читает рассказ «Дорога в школу и из школы». В нем перечисляются все, что встречается ученику по пути в школу. «По-ле, ро-ща, ре-ка, мост, гор-ка», — произносит по складам Толя.

— А тебе что встречается по дороге в школу? — спрашивает Толю учительница.

— А мне ничего не встречается, я прямо к дому.

В этом ответе — весь Толя, человек решительный, независимый, которому все ничтожно.

Да, хорошо, когда человек решительный, храбр и избирает себе прямые пути. Но если не следить за Толей, этот неукротимый характер, пожалуй, будет страсти совсем не в ту сторону. Приучить такой добрый молодец ходить не только прямо, но и напролом, не глядя, что у него на пути, — стоишь ли, человек ли, а там, смотришь, лоб себе расшиб, а то и раздвину кого... И тогда спохватится, разведет руками: кто виноват, это такого воспитания!

Нет, нужно, чтобы группа продленного дня существовала так же прочно, как существуют четыре начальных класса школы. Нужно, чтобы у нее было свое помещение, чтоб ребята ее любили, охотно в ней играли, готовили уроки. Нельзя после целого дня занятий снова приходиться в класс и садиться за парту — ведь и взрослые после работы хотят сменить дех или комнату в учреждении на такую обстановку, где можно отдохнуть. Нельзя, чтобы группы занимались, когда и где придется, а иной раз ютились бы в коридоре.

Нет сомнения, что школе во многом помогут шифы — и мебель для такой комнаты смастерит, и об игрушках для ребят подумают. Помогут и старшеклассники-комсомольцы — позаботятся о младших своих товарищах. И все же необходимо добиться главного: нужен учитель, а не случайный работник.

И, право же, деньги, которые будут на это затрачены, окупятся тем, что вырастет успеваемость, снизится второгодичество, не станет беззащитными ребята, из детского сада сразу же попавших в положение самостоятельных людей, хозяев своего времени и своих поступков.

Надо, чтоб у работающей матери душа, как говорится, была на месте, чтоб она знала: ребенок сит, сделал уроки, и не кокая, а под присмотром внимательного педагога. Думается, и это — не малые сумми, сбереженные государству.

Вместо тревоги за судьбу летчика эти стихи вызвали только смех, а вот как расказывал об этом случае сам В. П. Чкалов:

## ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

### Приезжайте к нам!

В статье «Лучшая школа литераторов» («Литературная газета» № 10, 1956 г.) Б. Полевой говорит о том, что писателю необходимо сотрудничать в газетах и журналах, выполнять оперативные задания редакций. Для этого, по мнению автора, нужно передать редакциям газет фонды на творческие командировки писателей в различные редакции.

Б. Полевой рассматривает этот вопрос главным образом, со стороны профессионального совершенствования самого писателя. Нас, кроме этого, интересуют и глубоко волнуют также другая сторона дела — литературная работа молодежи под непосредственным руководством опытного литератора.

В самом деле, сколько пользы говорят хорошие слов о литературной учебе, о ее формах и методах! И часто забываешь при этом о редакциях местных газет. Между тем сюда в первую очередь обращаются за советом начинающие поэты и прозаики, и здесь лучше, чем где-либо,

можно развернуть широкую работу с ними. Правильно: советская печать — лучшая школа литераторов, и эту школу надо укрепить хорошими учителями. Особенно острой нужды в помощи профессиональных писателей испытывают газеты таких областей, где нет отделений Союза писателей.

Взять, к примеру, нашу Балашовскую область. Ее немногим более двух лет. Почему мы правлению Союза писателей СССР не направить сюда одного из писателей месяца на три-четыре? Надо сразу предупредить, что это, может быть, не найдет здесь привычных «столичных» бытовых условий... Трудности роста нового областного центра ему придется развязать вместе с нами, молодыми журналистами. Но, работая в коллективе редакции, давая для газеты интересные рассказы или очерки о героических буднях рядовых тружеников, писатель оказал бы большую услугу газете, мы сможем научиться бы сами и подядая для своих будущих про-

изведений ценную нетронутой, новых тем.

У нас много начинающих авторов, людей, которые тянутся к литературному творчеству. В прошлом году наша газета провела конкурс на лучший рассказ и очерк. В нем участвовало более ста авторов. Это люди самых разных профессий и возрастов. Среди их произведений были более ли менее удачные, но все авторы нуждались в большой помощи. А ведь значительную часть коллектива нашей редакции составляют молодые работники, которые сами делают первые творческие шаги. Как бы нам пригодились квалифицированный совет опытных литераторов!

Хочется думать, что предложение Б. Полевого не останется только выступлением в газете, как это у нас, к сожалению, еще иногда случается, а явится предметом обсуждения в Союзе писателей и будет осуществлено. Это — в интересах нашего общего дела.

Коллективный корреспондент редакции областских газет «Балашовская правда».

Широкий, в куртке вырванашку,

Так дзержо по приходу звалит.

Что секретарские букманы Влетевший ветер закруглиц — Он у себя?

— А что? — Мне надо. — Я долую? — Содейт и без докладца!

— Я за мпшну долоу, Которую какой-то тип бракует!

## Неудачи одной поэмы

В декабрьском номере журнала «Знамя» опубликована поэма М. Штерника «Валерий Чкалов».

Очень хорошо, что редакция отметила таким образом семнадцатилетие годовщины дня гибели В. П. Чкалова. Но очень плохо то, что она вместе с автором не обработала поэму, и в ней много неудачных мест, лишенных поэтичности и эмоциональности.

Вот, например, как передан в ней известный случай испытания новой машины, когда механизм выпуска шасси не сработал:

Шофер смекунд, в чем было дело, И глуковато прояснес: — Да у него «шасси» заела, Руками, вядно, тянет трос.

Шофер был прав. Прихитрый Чкалов Кружился над землей усталю.

Сигнальный лампы красный глаз Горел, как уютно, раскаленный, «Нога» не вышла — он не гас.

А над второй снял Валерий вытер мокрым лоб:

Да-а! На одной садиться — троб, И встал, и шагнул.

Вместо тревоги за судьбу летчика эти стихи вызвали только смех, а вот как расказывал об этом случае сам В. П. Чкалов:

«Все быстрый и быстрой где-то вынул словно из утренного тумана замелькала в глазах земля... я резко вывел самолет из пики. Лоб

мой коснулся в это время колен, и я потерял сознание. Но это был лишь миг, сознание снова вернулось, и я увидел, что «нога» не вышла. Я начал делать двойные перерывоты. Безрезультатно! Тогда я развернул самолет вправо, потом влево, бросил эту комсомла вверх, опять ринулся с большой высоты вниз, и опять заехали крылья в страшном крутом падении».

Как же пошло выглядит рядом с этим простым и вместе с тем истинно поэтическим рассказом такая строфа поэмы:

Огромной тжажестью падеья прижекло Чкалова к сиденью.

И вьюсь на красной зряк бакильи жемлеи.

И ручку на себя равнял. Надо сказать, что Чкалов вовсе не был столь прихитрым и косновальцем, как это может показаться читателю из следующих строк:

Чкалов густо раскрасил: — Эх, эх!

Был со мной тогда подобный грех.

Или: — Но теперь за льдыню слово, Лыдня режет графини шаг: Не дает погоды — и шагнул.

Недешевильно и грубо, как это может показаться тому, кто прочтет:

А Чкалов против ветра мел И был невыразимо сои: Ему на опытной машине Сейчас лететь не разрешим.

Жаргонные выражения, которые автор поэмы приписывает Чкалову, парочкая и неуместная грубость снижают облик Чкалова, человека, который отнюдь не был бесшабашным героем, а был самым скромным и государственным авиатиком. Он любил музыку, художественную литературу. Словом, он был разносторонней, сложней, человечней, глубже и умнее, чем это рисует автор поэмы.

Я встретилась с Чкаловым в юности, и тогда отношения с ним, наша семья, был всеко не исчерпывались всплеском:

— Лёля, Тащи на стол еду побольше

Чкалов побед семнадцать лет назал. Выросло такое поколение, которое знает его только по литературе. Хотелось бы, чтобы до нашей молодежи он дошел истинным сыном великого народа и чтоб черты его не были искажены временем и неудачными литературными произведениями.

О. ЧКАЛОВА

## МУСА ДЖАЛИЛЬ НА ВОЛГЕ

Закрою глаза, — и встаню предо мною

Деревья, и Волга, и мать. Закрою глаза, — и встаню предо мною

Метания детства опять. Я помню, как мама, к груди прижимая,

Ласкала меня, малышкой, «Ты радость моя и надежда

Ты сердце мое и душа». И школа, и юность, бои и походы —

Вот все, что я вспомнить могу. Хочу я прожить свои мирные годы

На волжском родном берегу. Не плещут нигде, как на Волге мы

плещем, Веселый на Волге народ. А песню затянем на ирражение

нашем, Душевной нити не споеет. Я цепился в уток над волжской

водою,

С утра пропадай в иньяе,

По Волге на снаках натался зимю,

А летом кушался в реке. Я предзнавал свадьбы волжан

и речендыя, И Скавал на пиры по снегам,

И где бы я ни был, — желал возвращенья,

О, Волга, к твоим берегам. Садык на коня, борошил свое поле,

Туманы поляни вдалек, Мальчишчьею песню о счастье,

о воле

И пел на великой реке. На Волге-реке полюбил я впервые,

Душой апылла молодой, Подруга цела, как цветы луговые,

Военные волжской волдой. Вернулся ли я снова из края чужого

На Волгу, где счастья я был? Хоть раз на просторе спую ли я

снова Протяжную песню «Уиль»? Перевел С. ЛИПКИН

«Уиль» — название народной песни.

ты, замети. Стихи Джалиля записаны на двадцати небольших страничках. Трудно было это представить, но на листовках, площадь которых измеряется окунными квадратными сантиметрами, уместилось почти четыреста строк стихотворного текста! Так восточные умельцы с филигранной точностью выписывают на рисовом черне иероглифы древних.

В течение нескольких часов расказывал мне старост Талгат Гимранов о минувшем, о жизни в неволе, о встречах с Мусой Джалилем, с которым довелось ему быть в лагере. И невольно вставали в памяти и стихи поэта и события прошлого.

В начале 1943 года в лагерях для военнопленных гитлеровцы начали отбирать заключенных нерусской национальности. Эсэсовцы загоняли их в отдельные бараки, а потом под охраной, в запертых товарных вагонах, повезли куда-то в сторону Польши.

Только под Радомом, на станции Едльва, узнали пленные, какакая судьба их ожидает, каков гнусное новое преступление готовит фашисты. В Радомский лагерь попали своиими пленными, чтобы формировать из них военные отряды. Фашисты намеревались превратить советских людей в предателей.

И вспомнил об истоках этого преступления. Перед глазами возник затрещанный от дневного света зал заседаний международного военного трибунала в Нюрнберге, человек с пронзительно-лзыми, колчющими глазами, сидевший в первом ряду на скамье подсудимых — главарей фашистской Германии. Это был Альфред Розенберг, бывший министр восточных колоний, тех колоний, которые собирались создать захватчики на пространных Советской страны. Прибалтийский барон и помещик сбегавший из России в годы революции, стал приближенным Гитлера и специалистом по «русскому вопросу». Он и готовил рас-

членение Советского Союза. Еще перед войной Розенберг назначил в Базаль и Саратов, в Прибалтику и на Кавказ германских гаулейтеров. Он снабдил их настольным пособием, книгкой... британского колонизатора Альсдорфа о методах английского господства в Индии.

Но расчеты оказались просчетом — захватчики не учли монолитной дружбы народов Советского Союза, их могучей силы.

Я подумал об этом, слыша неторопливую речь Талгата Гимранова, его расказ о Джалиле, который вступил в неравную борьбу с Розенбергом, с теми, кто хотел превратить родину Мусы в нацистскую колонию.





Студентки 4-го курса факультета русского языка и литературы Ленинградского педагогического института имени А. И. Герцена Лариса Костюк со своим лучшим другом китайкой Пин Пин изучают материалы XX съезда КПСС. Фото А. Секретарева

# ОДНОЙ из особенно-стей советской литературы является приращение ей на протяжении всей ее истории неисчерпаемое богатство творческих сил. Не проходит года, чтобы не появились нескольких новых писательских имен. Но, к сожалению, мы еще не научились по-хозяйски разбираться в новых произведениях, редко и вяло обсуждаем их. Критика настойчиво твердит о первом десятке имен советских писателей, которые, кстати сказать, и без нее хорошо известны советскому читателю, и обходит молчанием творчество многих писателей, немало потружившихся в нашей литературе. В результате, советская литература кажется гораздо беднее в отношении оттенков, индивидуальностей и даже тематик.

# СВОЙ ГОЛОС

Ю. ЛИБЕДИНСКИЙ

Эти мысли возникли у меня, когда я недавно перечел небольшую книгу повестей В. Герасимовой «Простая фамилия», выпущенную издательством «Советский писатель» (М. 1955. 192 стр.).

Первым сборником рассказов «Память и забвение», появившимся в начале тридцатых годов, В. Герасимова привнесла в советскую литературу свою тему, свою острую манеру, свое сюжетное построение, с особой наглядностью отражающее характерные конфликты времени.

Сын стропилого малящика-аккушера, выдающий себя за князя по происхождению, уже в наше советское время встречается с приспособленцем, выдающим себя за пролетария. Какая причудливая встреча и острота взаимного разочарования! (Рассказ «Третье сословие»).

Молодой человек «из порядочного общества», подающий себя в себе все живые черты, становится «человеком без подробностей», полагая, что тот, кто отдал себя революции, обязан вытравить в себе все индивидуальные душевные особенности. (Рассказ «Человек без подробностей»).

Почему с такой целюстремленностью писательница обращается именно к подобному рода ситуациям? Почему она в свое время высмеивала деятельность Пролеткульта Римму Гармониску — эту «искривленную, как роженку» особу, искренне веровавшую в плодотворность сованной ею в рабочем поселке «мастерской организации нового человека»? Да потому, что и Римма Гармониску и «человека без подробностей», при всей их субъективной искренности, занимались упрощением и фальсификацией великого коммунистического учения. Они были носителями взглядов, которые есть не что иное, как своеобразная форма приспособленчества, как ложь, против чего всю свою жизнь воюет писательница.

Независть к лжи и приспособленчеству, стремление к правде нашей жизни являются нафосом творчества В. Герасимовой. На первый взгляд может показаться, что коллизия, которая изображается в повести «Дальняя родственница», уже оттопала в прошлое: советская интеллигенция давно уже изгнала из своей среды мелкобуржуазный прихлебатель буржуазии, к каким принадлежит героиня повести «Дальняя родственница» профессор Вержловский. Почему же мы и сейчас с живым интересом читаем это произведение? Неужели только в силу исторических воспоминаний? Конечно, нет. Родимые влечения капитализма передо еще сохраняются и в нашем советском быту. К такого рода «родимым пятнам» принадлежит и особо незастывший автору приспособленчество. Носители этого порока по внешности принимают коммунизм, они даже не прочь вступить в партию из соображений карьеры. Профессор Вержловский, так ярко и жизненно верно обрисованный автором, изгнан из советской жизни, но его дочь карьеристка Алу Вержловская с ее мнимореволюционизмом, а по существу упростились взглядами мы можем встретить и сейчас.

Повесть «Жалость» не похожа на повесть «Дальняя родственница», — другая эпоха, другие люди, другая сюжетная коллизия. Главный герой повести студент Померанцев, надевающий личину гуманиста,

как держали Махотин и его сверстники в борьбе и труде. А людей старшего поколения она призывает к чуткости и внимательному отношению к сложному процессу формирования молодой неустановившейся души.

Сюжет «Простой фамилии», небольшой повести, заключающей сборник, таков. Молодой певец Тоне Бровкиной ошибочно сообщают, что она награждена орденом, в то время как это относится к матери ее, старой колхознице Антонине Степановне Бровкиной. В дальнейшем неразумение разъясняется, и повесть заканчивается чувственным старой колхозницы. В нашем обществе, проникнутом морально-политическим единством, одинаково уважамы и начинающая — из «самодельных» — певица Бровкина и честная труженица полей, ее мать, — вот смысл этого финала.

Самым интересным в повести является столкновение Тони Бровкиной с пустым эстетствующим человеком «неопределенных лет и занятий» Свердловским и его окружением. Вначале Тони восхитили остролиней и поверхностная эрудированность Свердловского к нему подобным. Но вскоре она обнаруживает, что память этих остроумцев устроена так, что о больших людях, о серьезных событиях они помнят только все самое маленькое, побочное, а иногда и маразматическое. Всплывают в бездушное краткое, но четкое народное определение: «пустулы».

Хорошо нарисован образ подруги Тони — неудачницы Кати Расвской, которая была «своей» в среде пустулы. Автор немногими яркими и верными штрихами показал, как под влиянием окружающей советской жизни и в особенности под влиянием Тони у этой неудачницы укрепляется стремление к правде, как она находит ту душевную точку опоры, которую ей не могли дать «пустулы». Впрочем, переход Кати на новый жизненный путь только намечен.

Но при всех частых удачах автор не достиг ни в повести в целом, ни в образе Тони Бровкиной полноценного художественного воплощения серьезного и уминого замысла. Вопреки своей уже установленной манере, автор не дал нам Тоню Бровкину в развитии. Этот же недостаток присущ и изображению ее матери — Антонины Бровкиной. Словесный туризм «плохого» Свердловского с «хорошим» культурником Новогородцевым дан в плане дидактически тенденциозном; в речи Новогородцева порой исчезает живая разговорная интонация, и слова его звучат риторично-художью.

Следует отметить, что и в прежних произведениях В. Герасимовой порою ощущался подобный рода недостаток. Вряд ли уместно было, например, в «Байдарских воротах» носить элемент риторичности в предсмертное письмо Ольги.

Недостатки повести «Простая фамилия» в значительной мере объясняются также тем, что автор, стремясь к занимательности повествования, напрасно попытался большее содержание втиснуть в «прокрустово ложе» довольно легковесного сюжета. Творчество В. Герасимовой переросло рамки подобного рода сюжетов. Уже в повестях «Жалость» и «Хитрые глаза» она пришла к содержанию более серьезному и глубокому, и тут уж остроумной сюжетной схемой не отделаться.

Такие, понятые, самыми общими чертами можно охарактеризовать основные особенности творчества интересного и своеобразного писателя В. Герасимовой.

Убежден, что критика наша с большой пользой для роста и развития литературы могла бы заняться рассмотрением творчества многих наших несправедливо обделенных его писателей. Подобное рассмотрение необходимо не только для писателей, — в нем нуждается наш читатель, который много читает, любит нашу литературу и хочет слышать обо всем богатстве и разнообразии ее голосов.

# СОВЕЩАНИЕ УКРАИНСКИХ ПЕРЕВОДЧИКОВ

КИЕВ. (Наш корр.). Здесь недавно закончилось республиканское совещание переводчиков, организованное Министерством культуры УССР и правлением Союза писателей Украины. В течение трех дней писатели, работники издательства, критики, преподаватели вузов Киева, Львова, Харькова, Одессы и других городов республики обсуждали важнейшие проблемы художественного перевода.

С основным докладом о состоянии художественного перевода на Украине и задачах писателей-переводчиков выступил А. Кундан; содоклады С. Конгаюка (Одесса) и Н. Терешенко (Киев) были посвящены переводам на украинский язык произведений русской литературы и литературу народов СССР. Обзор прозаических переводов со славянских литератур на украинский язык сделал С. Масляк (Львов). В содокладах П. Топера (Москва) говорилось об актуальных проблемах теории перевода. Очень интересными были доклады Л. Перомаянского — о поэтических переводах со славянских языков, и Н. Лукача (Харьков) — о переводах произведений западноевропейской литературы.

Доклады вызвали широкий обмен мнениями. Внимание участников совещания было сосредоточено на творческих проблемах переводческой работы. При этом с сожалением отмечалось, что до сих пор слабо разрабатывается теория художественного перевода, хотя писатели Украины накопили уже большой опыт в этом деле.

Много говорилось о качестве переводов. Выступавшие привели немало примеров небрежной работы, формалистического перевода, чем грешат и сами переводчики и редакторы издательств. Кстати, немало упреков было брошено работникам издательства. В частности, указывалось на небрежную работу переводчиков в книгах, не упоминаются фамилии переводчиков или дается общий список, из которого невозможно узнать, кому принадлежит тот или иной перевод.

Почти во всех выступлениях высказывалась мысль о том, что подлинно художественный перевод может быть лишь тогда, когда писатель-переводчик владеет не только всеми богатствами родного языка, но знает также и язык оригинала. Так работают на Украине П. Тычина, М. Бажин, М. Рыльский, Л. Перомаянский и другие мастера. Задача всех писателей-переводчиков — изучать язык, с которого они переводят. Это особенно важно в настоящее время, когда издание переводной литературы значительно расширяется.

Участники совещания ознакомились с перспективным тематическим планом на 1956—1958 гг. издания художественной литературы в переводах на украинский язык. Предполагается выпустить в свет переводы произведений более 100 писателей русской, белорусской и других литератур народов СССР. За этот же период будет издано большое количество книг зарубежных авторов. Только в переводе с английского, французского и польского языков предполагается издать произведения почти 50 писателей.

# МУСА ДЖАЛИЛЬ

...тяжко я тоскую,  
Скорю ли встречу я с тобой опять?  
Чтоб тебя увидеть, дорогу,  
Все готов стерпеть, перестрадать.

Ароматом липы дышит ветер,  
Горды горы в траве лесной.  
Ноет сердце, ноет каждый вечер —  
Скорю ли вернемся мы домой?

Сына молочно своим вспоила,  
От меня отрады ты ждала.  
Лишь тринадцать стукнуло, —  
Пустыля

В дальний путь, на трудные дела,  
Молоком не зря меня вспоила, —  
Помогло оно мне в эти дни.  
Мама, ты ли сына не любила?  
Мама, сына руки протряпай!

Молоком не зря меня вспоила, —  
Видишь, не согнула я в пути,  
И покуда не погасла сила,  
Буду я за правду бой вести.

Провожила, слезы проливая:  
— Без вести, быть может,  
пропадешь.  
Что же будишь ты, солдат,  
Если ты обратно не придешь?

Покандаж ты родных и близких Ой,  
Каким злым лид пришил!  
Поскорее плещиго фашистских  
Начисто стереть с лица земли!

Жгли мне руку слезы расставая,  
Падала в след слезам твоя:  
— Будь здоров, сыночек,  
до свидания,

Возвращайся цел и невредим!  
Мама, я вернусь на зорьне равней  
И воздам тебе за доброту,  
Мама, я приеду с поля брани  
И увижу родину в цвету.

А пока пускай доставит ветер  
Матери синоичные слова,  
Суть тебе шепнет он на рассвете:  
— Сын твой бьет врагов с отвагой  
льва.

Перевел С. ЛИПКИН

# По-будничному

Писать о Севере, о лесной карельской стороне — благодарная для художника задача. В условиях суровой природы, нелегкого труда в лесу и на сплаве выработаются целые, стойкие человеческие характеры. О них рассказывает повесть карело-финского писателя А. Тимонена «В заливе ветров».

Но когда закрываешь книгу А. Тимонена, радость и светлого ощущения дружбы с героями, восхищения нелегким их трудом не остается. В повести изображены люди, которые могли бы привлечь и похорошему возволновать читателя. Это Воронов, руководитель сплавных работ, человек, по-настоящему увлеченный делом, Мирянен, овладевающий сложным искусством партийного руководства, всегда требовавшая к себе врач Айно Андреевна. Знакомая с ними и многими другими, пожалуй, даже слишком многими для небольшой повести действующими лицами, вначале внимательно следил, как складываются их взаимоотношения, как они трудятся, переживают просчеты и неудачи. Начинает выплывать сюжетная линия: все больше решительных событий. Но вскоре ведущая нить повествования терлется, эпизоды, один мельче другого, грозятся в беспорядке, словно льдины во время ледохода.

Вот писатель знакомит нас с Кирьяном, знакомит, видимо, для того, чтобы показать, как растет герой, как он становится руководителем. Но к середине повести героя увлечает стремительный поток «текущих», его крутит в водовороте многочисленных каждодневных текущих дел, случайных затруднений. Характер мелькает, меркнет.

Чрезмерное внимание к мелочам обыденной жизни мешает писателю изображать богатый духовный мир героев, широкие проблемы, с которыми сталкиваются люди лесной промышленности. Правда, автор вместе с героями замечает, что «со людьми... тутовато», но хватает их, что многие еще неосознанно относятся к технике. Но жаль, что эти волюющие героев вопросы только упоминаются, не влияют на разви-

тие характеров. Они, эти жизненные проблемы, отодвинуты вглубь повествования, незаметны.

Внешних людей лесной стороны, изображенных в повести, подчеркиваются некие условные черты, «обязательные» для схемы положительного героя. Например, непрехменная «самоотверженность», когда вопреки здравому смыслу один герой А. Тимонена, даже вымокнув до последней нитки, отказывается от сухой одежды: «ничего не надо», а другой герой, несмотря на серьезнейшую болезнь и высокую температуру, работает до ветру, то в жару купается. И мысли героев досада однообразны. К Воронову приходит тяжело больной механик Александров — поговорить, успокоиться, согреться теплом человеческого сочувствия. Но Воронов, увидев механика, своего друга и помощника, сердито спросил: «Какая нечестная сила понесла тебя на озеро?», мимоходом предложил чаю и заговорил... о механизации скатки древесины, о выборе места для новой плотины.

Нам скажут: и в буднях можно увидеть поэзию, высокое и возвышающее. Конечно, можно. И в повести есть попытки поэтического решения темы. Это — воинственный в самом начале произведения образ весны, бурно несущейся талой воды, порожистой Уурустайоки. Это — образ свежего ветра, выметающего из нашей жизни плохих и равнодушных людей. Но ощущение весны не пронизывает образную систему повести. Не потому ли, что в произведении о труде сплавщиков есть разговоры о труде, о технологических процессах и подробные перечисления машин, но нет поэзии труда?

И это тем более обидно, что ведь умеет А. Тимонен по-своему видеть жизнь и интересно ее показывать. Удачно выведен в повести второстепенный образ Оути Иланной, пожилой женщины с ее трогательной заботой об окружающих, человечностью и теплотой. Художественно верен Степаненко, человек, травмированный войной, но под влиянием товарищеского участия преодолевающий личную горе.

Хочется пожелать писателю глубокого проникновения в человеческие характеры.

А. ХАЙЛОВ

# ВЕСНА ПРИДЕТ

Все-таки весна твоя придет,  
Сбросишь ты снега, страна родная,  
И твои поля, росой сверкая,  
Вновь глядеться будут в небосвод.

И твои не занятые чести,  
Горды знаменем осеннем,  
Все-таки придет, с весной вместе,  
Сыновья твои с полей войны.

Словы защекают весною...  
Все вокруг себя животворя,  
Небывало алая зоря  
Широко займется над страной.

Реки потекут, шумя, бурля,  
Будет пестрый луг цветами выпит,  
Песню смерти больше не услышишь  
К жизни возрожденная земля.

Родина, краса градущих весен,  
Верю, в летопись твою войдет...  
Будет сад отцаны плодосен,  
Будет счастливы сильный твой народ.

Перевел С. ЛИПКИН

# СЕРДЕЧНОМУ ДРУГУ

Друг жизни, мать детей моих,  
Любимая жена,  
О, как умела ты любить  
И как была верна!

Ты в руки нежные берешь,  
Тоскую, мой портрет,  
Письменность, Джалиль согласился. Он сказал еще:  
— Знаешь что, если ты уцелеешь, передай моей жене эти стихи. Вот ее адрес...

Тогда-то Талгат Гимранов и начал записывать стихи Джалילה в крохотный блокнотик, который легко можно было спрятать в складках убогой одежды. Записывали и другие. Бумаги не было, но записанные вышли. Им выдавали по двадцать граммов маргарина — пачку на десять человек. Пергамент тщательно вытирали, сушили его и вырезывали листы для блокнотов. Гимранов записал около двадцати стихотворений, — только малую часть стихов из блокнота Мусы Джалילה. Некоторые строки Джалиль не доверял даже непонятому мною арабскому алфавиту. В таких местах он ставил точки, а узники запоминали пропущенные строки на память.

Муса жил в соседнем бараке, рядом с рабочей командой, в которую определили Гимранова. В тесной комнатке с трехъярусными нарами вместе с Джалилем жил еще человек двадцать — казанский актер, художник, учитель... Здесь помещалась так называемая рота пропаганды. Через некоторое время стало известно, что именно здесь находился центр подпольной организации.

Однажды, когда Гимранов мастерил из алюминиевого котелка портсигар, — может, удастся сменить на продукты, — к нему подошел Муса. Он долго наблюдал за работой, потом спросил:  
— Скажи, Талгат, а ты умеешь делать возки?

Подолгу мне в глаза глядишь,  
Но утешенья нет.  
«Погби мой милый, —  
шепчешь ты, —  
Я не увижусь с ним».  
И место за столом одно  
Всегда стоит пустым.

Перевела А. АХМАТОВА

литрук, выдававший себя за рядового солдата. Это был тот человек, который встречался с Джалилем.

Никогда еще не видели Мусу таким взволнованно оживленным. Джалиль не мог скрыть своего торжества. Первая попытка нацеловаться сделать военнопленных участниками своих преступлений закончилась крахом.

Окрыленные успехом подпольщики продолжали борьбу; они стали более дерзкими, и может быть, менее осторожными, хотя самая ошибка грозила катастрофой. В борьбе с врагом, в кандалах, за изгородью из колючей проволоки, подпольщики использовали все возможные в их положении средства. В их руках художественное слово, искусство стало могучим оружием борьбы. Нацеловались записывали с пленными, позволяли иногда устраивать нечто вроде вечеров самодеятельности. Там заключенные читали стихи, пели национальные песни, ставили короткие пьесы. Со своими стихами выступал и Муса Джалиль. Он читал инкогнито, порой заменял слова, но все понимали, что хотел сказать, о чем думал поэт. Стихи вселяли надежду, укрепляли силы. Одну из песен написал Джалиль. Партизаны расположились на отдых в деревне. Среди них — прелестель. Он пытается выдать отряд. В последний момент его убивают. Вопреки официальному тексту, симпатии зрителей переходят на сторону партизан, они негодуют против предательства. Майор фон Зиккендорф присутствует на представлении. Он недоволен морщится и запрещает в дальнейшем ставить пьесу...

Минит Талгат Гимранов, какое впечатление произвела на него картина художника, написанная в лагере. Художник тоже входил в подпольную организацию заключенных. Картина называлась «Она ждет тебя». На фоне вечернего неба у колодца стоит татарская девушка, устремив взор на запад. Перед ней — аул, родной пейзаж. Свет вечерней зари освещает лицо девушки, полное тоски и грусти. Сколько мыслей буизла картина в сердцах заключенных! Начальник лагеря приказал убраться картину.

А стихи Джалילה — не такие, как при публичном чтении, уже без вуизор и подставных слов — ходили в списках среди узников лагеря, их заучивали наизусть, и почти никто не знал, кто же был автором волнующих строк.

Но не только стихом и словом боролся подпольщик. Как-то раз, томимый тоской, Гимранов открыл Джалиле затеанную мысль — надо бежать из страшного лагеря. Муса возраил — в одиночку не убежать. Нужно действовать сообща. Они долго говорили в тот вечер. Талгат Гимранов не знал многих подробностей. Конспирация требовала сохранения тайны. Он не знал ни имен, ни фамилий подпольщиков, только Мусу, но Джалиль все доверчиве относился к столарю из рабочей команды. Муса спросил, не может ли Талгат смастерить самодельный компас.

Гимранов долго возился тайком, намагнитил стрелку, приладил ее, но сам остался недоволен работой. Тем не менее Муса забрал компас — пригодно.

Затем понадобилась карта. Советовалась, где можно ее достать. Добыть карту оказалось труднее, чем что-то другое. Помог случай. Порядки в Радомском лагере отличались от порядков в других лагерях: было немного свободней. Заключенным иногда удавалось покидать лагерь, пусть ненадолго. По округе стояли польские хутора, и обитатели лагеря иногда ходили к крестьянам добывать продовольствие. Так Джалиль и Гимранов познакомились с одним стариком-поляком, жившим за рудьем в километре от лагеря. Крестьянин хорошо говорил по-русски. Осторожно, но упорно Джалиль шел к цели. Сын крестьянина Зигмунд учился перед войной в школе. У него сохранились учебники. У Зигмунда выпросили старую школьную карту.

Джалиль не раз бывал в доме старика-поляка. Они подружались, Муса пригласил крестьянина связать его с партизанами. Старик отказался. Они действовали в стороне Кельце. Туда верных два дня ходу и столько же обратно. На такой срок нельзя покидать хутор. Немцы узнают.

Но, видимо, у Джалילה и другие связи, он знал даже, что командовал отрядом Попов.

Однажды Джалиль попросил Гимранова сходить в Радом, назвать адрес, предупредить, как по дороге избежать встречи с патрциями. Там, по этому адресу, возможно, будет ждать партизанский связной. Ему следовало передать, что Джалиль хочет встретиться с командиром отряда. Талгат не нашел связного, вернулся ни с чем, но Джалиль не терял надежды.

Весной, примерно в конце мая, из Радомского лагеря бежала большая группа заключенных. Бежали с картой, самодель-

ным компасом, запасом продуктов и кое-каким оружием. Всем этим беглецов снабдила подпольная группа.

И снова гитлеровцы подыали переполох. Среди ночи всех узников выстроили возле барака и так держали до утра, пока не закончился обход. Он снова ничего не дал.

А Джалиль со своими друзьями готовил новый массовый побег из лагеря. Не об этом ли речами бое писал поэт:

Только одна у меня надежда —  
На темную августовскую ночь.  
Гнев к врагу и любовь к отчизне  
Выдут со мной из плена прочь!

Именно в августе рассчитывал Муса Джалиль поднять весь лагерь, с помощью партизан освободить пленных, вырваться из неволи. Сделать это не удалось.

В середине лета, 10—12 июля, произошёл провал подпольной организации. Среди ночи Джалиль и его товарищи были схвачены гестапо. Только небольшой группе удалось бежать.

Арестованных увезли в Берлин, в Моabit. Гитлеровцы вынуждены были отказаться от формирования отрядов из пленных. После ареста группы Джалиль пленных из Радомского лагеря рассовали по другим концлагерям. Джалиль, подпольщик, советские патриоты победили фон Зиккендорфа и Розенберга.

Талгата Гимранова отправили сначала в Кельце, а затем в Прибалтику. Начались скитания по лагерям. Неудачный побег, и снова скитания. Когда Талгата увозили из камеры на допрос в гестапо, он оставил товарищам заветный блокнот. Так удалось сохранить стихи поэта. Но многие адреса пришлось уничтожить, затерялся и адрес семьи Джалילה. Возвратившись на Родину, Талгат Гимранов работал столарем в Стерлитамаке, затем уехал на Тянь-Шань с поисковой геологической партией. Он на память читал друзьям стихи поэта, не зная о судьбе друга. Только вернувшись из экспедиции, Талгат прочитал Указ о посмертном присвоении Мусе Джалиле звания Героя Советского Союза. И тогда он пришел в редакцию городской газеты с блокнотом, в котором были не известные до сих пор стихи поэта.

Мы еще и сейчас не знаем многого о жизни героя-поэта, но то, что раскрылось перед нами, озаряет новым величественным светом подвиг поэта-гражданина, борца и солдата Мусы Джалילה.

# МОЯ КЛЯТВА

Мчитесь, ветры, голову сломя,  
Снесите леса, и горы, и равнины,  
Чтоб родному краю передать  
Стих и песнь измученного сына.

До чего хорош он — край родной!  
В папочках соломенных избушек,  
Трудовая песня, что слылась  
С ручейковой песней на опушке!

Там зима и летом хорошо,  
Там всегда в любой породе рады,  
Там джигитов звучные наряды,  
Черноглазых деушек намиды...

Пусть до дома песня долетит,  
И друзья спомет ее сердечной...  
Не согласен одиноком жить  
На чужбине в скорби бесконечной!

Если в жилих онемет кровень,  
Если мне лежать в могиле скоро, —  
Жить вовек делу моему,  
Даже пусть меня раздавят горы!

Перевел М. СВЕТЛОВ



# Англичане о XX съезде

XX съезда, мне пришлось прочесть в наших газетах о том, что крупная местная фирма, изготавливающая радиоаппаратуру, объявила об уменьшении своего масштаба производства, что означает увольнение 1 800 рабочих. В Эссексе, где я живу, на прошлой неделе было уволено со старейшей фабрики, изготовительницы аппаратуры для телевизоров, около 50 рабочих. Правительство принимает беспрецедентные меры для общего сокращения производства, дабы снизить покупательную способность рабочих, уменьшить зарплату и создать безработицу. Ассигнования на жилищное строительство урезаны; банковские учетные ставки выросли до пяти с половиной процентов, а военные расходы увеличены до одного миллиарда пятьсот сорока восьми миллионов фунтов стерлингов.

Кажется, «хороший» американский капитализм «предоставляет нам (американцам) больше благосостояния и комфорта, чем провозили люди любого другого общества». Больше того, американский капитализм, по словам автора статьи, является «самой совершенной системой, которая непорочно велела к полному уничтожению классов». Понимая, после такой словесной экспансии, представлять себе эту прихотливую систему, обходящуюся с рабочими, как с людьми, можно сказать, что американский капитализм — это не что иное, как социализм.

Кажется, «хороший» американский капитализм «предоставляет нам (американцам) больше благосостояния и комфорта, чем провозили люди любого другого общества». Больше того, американский капитализм, по словам автора статьи, является «самой совершенной системой, которая непорочно велела к полному уничтожению классов». Понимая, после такой словесной экспансии, представлять себе эту прихотливую систему, обходящуюся с рабочими, как с людьми, можно сказать, что американский капитализм — это не что иное, как социализм.

Кажется, «хороший» американский капитализм «предоставляет нам (американцам) больше благосостояния и комфорта, чем провозили люди любого другого общества». Больше того, американский капитализм, по словам автора статьи, является «самой совершенной системой, которая непорочно велела к полному уничтожению классов». Понимая, после такой словесной экспансии, представлять себе эту прихотливую систему, обходящуюся с рабочими, как с людьми, можно сказать, что американский капитализм — это не что иное, как социализм.

# Международная почта

В районе Лондона обнаружены американские пропагандистские шары, засыпанные восточной Европой. Их принесли ветры, дующие с востока. Англичане обвиняют в этом американскую общественность, обвиняют в том, что она, эта общественность, осуждала тот опасный, какой представлял собой этот шар для самих англичан, обслуживавших многочисленные авиалинии.

Американские пропагандисты уже давно заняты сложной и малоуспешной работой: подмалевыванием и осуждением фасада капиталистического здания, дабы придать ему в глазах народа по возможности более привлекательный вид. В последнее время идеологические оруженосцы американских монополий усердно рекламируют сочиненный ими с той же целью миф о «народном капитализме» в США.

Очередные вариации на эту тему появились недавно на страницах органа деловых кругов США газеты «Джорنال оф коммерс». На сей раз за дело взялся Теодор Рэплиер — председатель американского совета по вопросам рекламы. Для начала «хорошо» Рэплиер попустился в общие рассуждения. «Капитализм имеет неприятный душок для многих народов, саморично признал он, и особенно для народов Дальнего Востока, которых часто держали в нищете, в то время как богатства их стран систематически эксплуатировались другими».

Оказывается, «хороший» американский капитализм «предоставляет нам (американцам) больше благосостояния и комфорта, чем провозили люди любого другого общества». Больше того, американский капитализм, по словам автора статьи, является «самой совершенной системой, которая непорочно велела к полному уничтожению классов».

«Вывод: во избежание путаницы нынешней социальной строй в США следует именовать «народным капитализмом» — словом оно служит народу и только народу... Борьбу идей, считает Рэплиер, будет легче выиграть, если объединит американский капитализм в единый «народный» костюм».

«Делая жалкую попытку «смягчить» борьбу идей» подобными маскаральными трюками, мистер Рэплиер и его холостяк недооценивают способность американского народа к трезвому мышлению».

«Всем известно, что «конституция», которую вынашивает Нго Динь Дьем собирается объявить в ближайшем будущем, — пишет вьетнамская газета «Куу Куок», — это программа действий, которая составляет американскими империалистами для Нго Динь Дьема и которая преследует цель саботировать объединение Вьетнама».

«Нго Динь Дьем будет продолжать ту же экономическую политику, которую проведет в настоящее время, а именно: он будет вытеснять пшавт Южного Вьетнама из сферы французского франка и втягивать его в сферу влияния американского доллара; вытеснит влияние французской экономики с тем, чтобы предоставить возможность американским империалистам и их сателлитам проникнуть и укрепиться на рынке Южного Вьетнама».

«США хотят любой ценой добиться своей цели — сжечь мост между Севером и Югом, вовлечь Южный Вьетнам в агрессивный блок СЕАТО и возобновить как можно быстрее военные действия против Северного Вьетнама. Реакционные круги США не хотят созыва нового Женевского совещания по индо-китайскому вопросу. Вот почему они поддерживают фашистского диктатора Нго Динь Дьема».

«Но эта политика идет вразрез с интересами вьетнамского народа, заинтересованного не в отдельных «выборах» на Юге, а в проведении общевьетнамских выборов, которые привели бы к национальному объединению Вьетнама».

«Нго Динь Дьем будет продолжать ту же экономическую политику, которую проведет в настоящее время, а именно: он будет вытеснять пшавт Южного Вьетнама из сферы французского франка и втягивать его в сферу влияния американского доллара; вытеснит влияние французской экономики с тем, чтобы предоставить возможность американским империалистам и их сателлитам проникнуть и укрепиться на рынке Южного Вьетнама».

«США хотят любой ценой добиться своей цели — сжечь мост между Севером и Югом, вовлечь Южный Вьетнам в агрессивный блок СЕАТО и возобновить как можно быстрее военные действия против Северного Вьетнама. Реакционные круги США не хотят созыва нового Женевского совещания по индо-китайскому вопросу. Вот почему они поддерживают фашистского диктатора Нго Динь Дьема».

«Но эта политика идет вразрез с интересами вьетнамского народа, заинтересованного не в отдельных «выборах» на Юге, а в проведении общевьетнамских выборов, которые привели бы к национальному объединению Вьетнама».

«Нго Динь Дьем будет продолжать ту же экономическую политику, которую проведет в настоящее время, а именно: он будет вытеснять пшавт Южного Вьетнама из сферы французского франка и втягивать его в сферу влияния американского доллара; вытеснит влияние французской экономики с тем, чтобы предоставить возможность американским империалистам и их сателлитам проникнуть и укрепиться на рынке Южного Вьетнама».

«США хотят любой ценой добиться своей цели — сжечь мост между Севером и Югом, вовлечь Южный Вьетнам в агрессивный блок СЕАТО и возобновить как можно быстрее военные действия против Северного Вьетнама. Реакционные круги США не хотят созыва нового Женевского совещания по индо-китайскому вопросу. Вот почему они поддерживают фашистского диктатора Нго Динь Дьема».

«Но эта политика идет вразрез с интересами вьетнамского народа, заинтересованного не в отдельных «выборах» на Юге, а в проведении общевьетнамских выборов, которые привели бы к национальному объединению Вьетнама».

«Нго Динь Дьем будет продолжать ту же экономическую политику, которую проведет в настоящее время, а именно: он будет вытеснять пшавт Южного Вьетнама из сферы французского франка и втягивать его в сферу влияния американского доллара; вытеснит влияние французской экономики с тем, чтобы предоставить возможность американским империалистам и их сателлитам проникнуть и укрепиться на рынке Южного Вьетнама».

«США хотят любой ценой добиться своей цели — сжечь мост между Севером и Югом, вовлечь Южный Вьетнам в агрессивный блок СЕАТО и возобновить как можно быстрее военные действия против Северного Вьетнама. Реакционные круги США не хотят созыва нового Женевского совещания по индо-китайскому вопросу. Вот почему они поддерживают фашистского диктатора Нго Динь Дьема».

«Но эта политика идет вразрез с интересами вьетнамского народа, заинтересованного не в отдельных «выборах» на Юге, а в проведении общевьетнамских выборов, которые привели бы к национальному объединению Вьетнама».

«Нго Динь Дьем будет продолжать ту же экономическую политику, которую проведет в настоящее время, а именно: он будет вытеснять пшавт Южного Вьетнама из сферы французского франка и втягивать его в сферу влияния американского доллара; вытеснит влияние французской экономики с тем, чтобы предоставить возможность американским империалистам и их сателлитам проникнуть и укрепиться на рынке Южного Вьетнама».

«США хотят любой ценой добиться своей цели — сжечь мост между Севером и Югом, вовлечь Южный Вьетнам в агрессивный блок СЕАТО и возобновить как можно быстрее военные действия против Северного Вьетнама. Реакционные круги США не хотят созыва нового Женевского совещания по индо-китайскому вопросу. Вот почему они поддерживают фашистского диктатора Нго Динь Дьема».

«Но эта политика идет вразрез с интересами вьетнамского народа, заинтересованного не в отдельных «выборах» на Юге, а в проведении общевьетнамских выборов, которые привели бы к национальному объединению Вьетнама».

# Происки врагов мира во Вьетнаме

Михель ЛИМБУР, французский журналист

Диктатор Нго Динь Дьем назначил на 4 марта сепаратные «выборы» в так называемое «законодательное собрание» Южного Вьетнама. Цель «выборов» — сорвать выполнение Женевских соглашений по Индо-Китаю, создать на юге страны сепаратное государство и тем самым увековечить раскол Вьетнама.

Такая называемая предвыборная кампания превратилась в волну арестов, чистку административных учреждений и разгром оппозиционных партий. Отряды полиции и «группы безопасности» бесчинствуют. Нго Динь Дьем лично руководит так называемой «кампанией по разоблачению и уничтожению коммунистов», направленной, по сути дела, против всех тех, кто выступает за мир, за объединение страны и выполнение Женевских соглашений. Эта кампания предпринята, в частности, и для того, чтобы ускорить строительство концентрационных лагерей и усилить фашистский террор и шпионаж. Концлагери в Куанг Три, Куанг Нгай и Куанг Нам переполнены сторонниками объединения Юга и Севера Вьетнама, бывшими участниками движения Сопротивления.

Еще в январе власти Южного Вьетнама приняли «закон № 6». В статье 1-й «закона» говорится, что «до тех пор, пока не будут установлены полный порядок и безопасность, лица, рассматриваемые как опасные, для обеспечения национальной обороны и общественной безопасности могут быть по решению президента и предложению министра внутренних дел либо интернированы в лагеря, либо заключены в тюрьмы, либо лишены права пребывания на месте своего постоянного жительства в определенных районах, либо переданы под административный надзор». Арест и заключение в лагеря и тюрьмы «опасных элементов», согласно «закону», производится без суда и следствия. Недавно был издан декрет, запрещающий южновьетнамским газетам и журналам публикацию «пристрастных сообщений или комментариев, содействующих коммунизму или антинациональной деятельности». В случае нарушения этого запрета предусматривается штраф от 25 тысяч до 1 миллиона пшавтов и тюремное заключение сроком от 6 месяцев до 5 лет.

Тексты всех выступлений на «предвыборных» собраниях подвергаются предварительной цензуре. На кострах новоявленной гонимости инквизиция сжигает

готовящуюся радиоаппаратуру, объявила об уменьшении своего масштаба производства, что означает увольнение 1 800 рабочих. В Эссексе, где я живу, на прошлой неделе было уволено со старейшей фабрики, изготовительницы аппаратуры для телевизоров, около 50 рабочих. Правительство принимает беспрецедентные меры для общего сокращения производства, дабы снизить покупательную способность рабочих, уменьшить зарплату и создать безработицу. Ассигнования на жилищное строительство урезаны; банковские учетные ставки выросли до пяти с половиной процентов, а военные расходы увеличены до одного миллиарда пятьсот сорока восьми миллионов фунтов стерлингов.

«Да, это заставляет призадуматься», — сказал он... Каково же общее настроение? Люди готовы бороться, у них растет сознание того, что надо укреплять дружбу и торговлю с Советским Союзом.

XX съезд КПСС, как маяк надежды, посылает мощные потоки света и веры сквозь мрак, все еще царящий во многих частях земного шара. Я знаю, что мажоритарное английское правительство присоединяется к моему, когда я передаю наилучшие пожелания и глубокую признательность советскому народу и Коммунистической партии Советского Союза.

«Всем известно, что «конституция», которую вынашивает Нго Динь Дьем собирается объявить в ближайшем будущем, — пишет вьетнамская газета «Куу Куок», — это программа действий, которая составляет американскими империалистами для Нго Динь Дьема и которая преследует цель саботировать объединение Вьетнама».

«Нго Динь Дьем будет продолжать ту же экономическую политику, которую проведет в настоящее время, а именно: он будет вытеснять пшавт Южного Вьетнама из сферы французского франка и втягивать его в сферу влияния американского доллара; вытеснит влияние французской экономики с тем, чтобы предоставить возможность американским империалистам и их сателлитам проникнуть и укрепиться на рынке Южного Вьетнама».

«США хотят любой ценой добиться своей цели — сжечь мост между Севером и Югом, вовлечь Южный Вьетнам в агрессивный блок СЕАТО и возобновить как можно быстрее военные действия против Северного Вьетнама. Реакционные круги США не хотят созыва нового Женевского совещания по индо-китайскому вопросу. Вот почему они поддерживают фашистского диктатора Нго Динь Дьема».

«Но эта политика идет вразрез с интересами вьетнамского народа, заинтересованного не в отдельных «выборах» на Юге, а в проведении общевьетнамских выборов, которые привели бы к национальному объединению Вьетнама».

«Нго Динь Дьем будет продолжать ту же экономическую политику, которую проведет в настоящее время, а именно: он будет вытеснять пшавт Южного Вьетнама из сферы французского франка и втягивать его в сферу влияния американского доллара; вытеснит влияние французской экономики с тем, чтобы предоставить возможность американским империалистам и их сателлитам проникнуть и укрепиться на рынке Южного Вьетнама».

«США хотят любой ценой добиться своей цели — сжечь мост между Севером и Югом, вовлечь Южный Вьетнам в агрессивный блок СЕАТО и возобновить как можно быстрее военные действия против Северного Вьетнама. Реакционные круги США не хотят созыва нового Женевского совещания по индо-китайскому вопросу. Вот почему они поддерживают фашистского диктатора Нго Динь Дьема».

«Но эта политика идет вразрез с интересами вьетнамского народа, заинтересованного не в отдельных «выборах» на Юге, а в проведении общевьетнамских выборов, которые привели бы к национальному объединению Вьетнама».

«Нго Динь Дьем будет продолжать ту же экономическую политику, которую проведет в настоящее время, а именно: он будет вытеснять пшавт Южного Вьетнама из сферы французского франка и втягивать его в сферу влияния американского доллара; вытеснит влияние французской экономики с тем, чтобы предоставить возможность американским империалистам и их сателлитам проникнуть и укрепиться на рынке Южного Вьетнама».

«США хотят любой ценой добиться своей цели — сжечь мост между Севером и Югом, вовлечь Южный Вьетнам в агрессивный блок СЕАТО и возобновить как можно быстрее военные действия против Северного Вьетнама. Реакционные круги США не хотят созыва нового Женевского совещания по индо-китайскому вопросу. Вот почему они поддерживают фашистского диктатора Нго Динь Дьема».

«Но эта политика идет вразрез с интересами вьетнамского народа, заинтересованного не в отдельных «выборах» на Юге, а в проведении общевьетнамских выборов, которые привели бы к национальному объединению Вьетнама».

«Нго Динь Дьем будет продолжать ту же экономическую политику, которую проведет в настоящее время, а именно: он будет вытеснять пшавт Южного Вьетнама из сферы французского франка и втягивать его в сферу влияния американского доллара; вытеснит влияние французской экономики с тем, чтобы предоставить возможность американским империалистам и их сателлитам проникнуть и укрепиться на рынке Южного Вьетнама».

«США хотят любой ценой добиться своей цели — сжечь мост между Севером и Югом, вовлечь Южный Вьетнам в агрессивный блок СЕАТО и возобновить как можно быстрее военные действия против Северного Вьетнама. Реакционные круги США не хотят созыва нового Женевского совещания по индо-китайскому вопросу. Вот почему они поддерживают фашистского диктатора Нго Динь Дьема».

«Но эта политика идет вразрез с интересами вьетнамского народа, заинтересованного не в отдельных «выборах» на Юге, а в проведении общевьетнамских выборов, которые привели бы к национальному объединению Вьетнама».

# Французский фотограф на улицах Москвы

Летом 1954 года на улицах Москвы можно было встретить человека, который, ничем особенно не выделяясь внешне, привлекал к себе всеобщее внимание. По некоторым признакам можно было угадать в нем иностранца, а виртуозное владение фотоаппаратом говорило о том, что это фотограф-профессионал. С аппаратом в руках этот человек устремлялся наперерез мчавшимся автомобилям, догонял некоторых прохожих, подолгу простоял в самом центре больших площадей. Самозабвение, с которым он работал, вызвало к нему невольную симпатию, и даже миллионеры прощали ему нарушение правил уличного движения.

Этот человек шагал по карточному полю подмосковных колоколов, поднимая на верхние этажи недостроенных зданий, появлялся на улицах дачных поселков.

В течение дня он успевал побывать на центральной рыночной и в рабочем клубе, в старинном соборе и на концерте самодеятельности. Последние снимки в Москве — перрона Белорусского вокзала — он сделал, уже стоя на площадке вагона.

И вот перед нами — большая красивая книга. На переливающейся блестящей синеве обложки — крупно и четко название книги «Москва».

Французский фотограф Анри Картье-Брессон, сделавший эту книгу-альбом, принадлежал к числу лучших современных фотографов мира. Как правило, он работает не в качестве иллюстратора фоторепортажей для крупных иллюстрированных журналов Европы и Америки. Его книги-альбомы, обычно прекрасно изданные, хорошо знают библиофилы и любители художественной фотографии во многих странах. Картье-Брессон прекрасно владеет своим искусством, которое сложилось в результате многообразного профессионального и жизненного опыта.

Самое полное выражение получает мастерство Картье-Брессона в его последних работах — в альбомах, посвященных Китаю (к последнему из них

вступление написано Жаном-Полем Сартром). Альбом «От одного Китая к другому» еще не вышел из печати, когда Картье-Брессон обратился в Советское посольство в Париже с просьбой дать ему возможность приехать в СССР, чтобы заснять материалы для альбома «Москва».

Картье-Брессон побывал не только в Москве, но и в Ташкенте, совершив поездку по Грузии. Он сделал в Советском Союзе не одну тысячу снимков, потому что, по его выражению, надо отбросить десятки, чтобы выбрать один.

Вскоре после возвращения Картье-Брессона некоторые западные журналы — «Лайф», «Пари матч» и другие — опубликовали отдельные его фотографии, сделанные в СССР. Редакция этих журналов сопроводила фотографии заголовками и текстом, которые совершенно не соответствовали содержанию фотографий, и, следовательно, читатель получил искаженные сведения о незнакомой ему стране.

Альбом «Москва» содержит 163 снимка, которые сгруппированы по разделам: «Кремль», «Улицы», «Промышленность и строительство», «Метро», «Музеи», «Религия», «Спортивный праздник», «Сельскохозяйственная выставка», «Отдых», «Зрелища». Каждый из этих разделов никак не претендует даже на отнюдь неполную полноту, нельзя также сказать, что из всех снимков каждый характерен. Но по этому поводу сам Картье-Брессон сказал в предисловии следующие: «Еще до моего приезда в Москву я видел много фотографий, показывающих СССР. Однако мои первые впечатления явились неожиданным открытием. Я нашел, что по моему мнению, эта тема была очень мало отражена. Я попытался схватить непосредственный облик народа Москвы в его повседневной жизни, в его человеческих отношениях. Я знаю, насколько мои изображения фрагментарны и неполны. Но для меня они были зримым открытием».

Залитая солнцем Красная площадь. Старик-железнодорожник беседует с девочкой, показывая ей на что-то вдали. Они стоят на фоне кремлевской стены.

От их простоты, как и от домашних фигур веет добром и миром. «Не вспоминает ли этот старый железнодорожник шестьдесят лет истории России, прожитых им?» — спрашивает Картье-Брессон в подлиннике этой фотографии, которой открывается альбом «Москва». Следующая фотография как бы продолжает размышления о прошлом и будущем Москвы: эскортная девушка на Ленинских горах, одна из них высоко подняла над головой план новой Москвы (виден даже кружок нового стадиона в Лужниках), перед ними внизу — панорама города, в дымке летнего дня проступают силуэты древних колоколен и высотных зданий... Трудно перечислить все, что заключает в себе этот альбом. Некоторые фотографии обращают внимание ярким великолепием праздничных сцен (физкультурный парад, например), другие — передачей духовной сосредоточенности творческого процесса (уроки в классе профессора Давида Ойстраха).

На многих снимках чрезвычайно живо и верно охвачено внутреннее состояние людей, отраженное в выражении лица, в жесте. Вот у входа в ГУМ мать поддерживает круглолицего мальчика, который важно катит на только что купленном велосипеде. А вот Картье-Брессон попал на строительство остинции «Иней». Балюстрада, увертывалась от ветра с красной и известкой, фотограф совершает обход строителями. Вдруг... звук музыки: разновеской лихой гармоникой, влившись в деловой гул стройки. Это молодежь ждет остаток обещанного перерыва в импровизированном клубе. И она вторяет Картье-Брессона не останавливаясь танцоров, однако девушки сконфужены: ведь они в спешках, в шароварах и надвинутых на глаза платочках, чтобы — не дай бог — не испортить завивки. Так они и получились на фотографии.

Много снимков сделал Картье-Брессон в Третьяковской галерее, но один из него так и не вышел. Статный офицер с ремнем на плече остановился перед знаменитым «Неравным браком». Но Картье не успел сделать снимок, как офицер ушел в другой зал, где не было нужного освещения. «Можно попросить его вернуться». «Что вы, — ужаснулся Картье-Брессон, — на фотографии сразу будет заметно, что это искусственный снимок». Однако Картье-Брессон все-таки нашел свою модель, хотя совсем в другом месте: вот он стоит, молодой офицер с сынишкой на руках, в галерее ГУМ: мама залопотала с покупками и забыла о них, так они и стоят, немного растерянные и беспомощные в своем мужском одиночестве. Хотелось бы проанализировать снимки в Доме моделей, универсальное в центре в парке культуры, на улице (их особенно много). С центральным объективом Картье-Брессон снимает даже группы хозяек, ожидающих открытия фруктового магазина.

Картье-Брессон не приукрашивает действительность. Напротив, нередко он отражает самые простые, будничные явления. Сюжеты фотографий, опубликованных в альбоме, нам хорошо знакомы, поэтому советские люди, которым попали в руки этот альбом, оценят в нем прежде всего великолепное мастерство Картье-Брессона. Оно, конечно, найдут и недостатки с точки зрения полноты изображения, однако они отдают должное добросовестным усилиям мастера в первый свой приезд в Москву понять жизнь во всей ее сложности и новизне, столь отличную от всего, что он привык видеть.

Каждый народ хочет быть правильно понятым, это содействует взаимопониманию и делу мира. Послушаем, что говорит об этом сам Картье-Брессон: «По возвращении в Париж меня очень заинтересовали вопросы, которые нам задавали... Порой мне нечего было даже ответить, так как один, спросив «Ну, как там?», не давали мне даже открыть рот и развилал свою точку зрения, другие же, после «Ах, вы приехали откуда?», погружались в принужденное и благодарное молчание, как это бывает за семейным столом, когда разговор коснется слишком оласной темы. Тех же, кто смог меня спросить «Что вы видели?», я попрошу дать слово моим глазам, и самое лучшее — если они перелистают мой альбом».

Т. САВИЦКАЯ



Обложка альбома «Москва»

«Нго Динь Дьем будет продолжать ту же экономическую политику, которую проведет в настоящее время, а именно: он будет вытеснять пшавт Южного Вьетнама из сферы французского франка и втягивать его в сферу влияния американского доллара; вытеснит влияние французской экономики с тем, чтобы предоставить возможность американским империалистам и их сателлитам проникнуть и укрепиться на рынке Южного Вьетнама».

«США хотят любой ценой добиться своей цели — сжечь мост между Севером и Югом, вовлечь Южный Вьетнам в агрессивный блок СЕАТО и возобновить как можно быстрее военные действия против Северного Вьетнама. Реакционные круги США не хотят созыва нового Женевского совещания по индо-китайскому вопросу. Вот почему они поддерживают фашистского диктатора Нго Динь Дьема».

«Но эта политика идет вразрез с интересами вьетнамского народа, заинтересованного не в отдельных «выборах» на Юге, а в проведении общевьетнамских выборов, которые привели бы к национальному объединению Вьетнама».

«Нго Динь Дьем будет продолжать ту же экономическую политику, которую проведет в настоящее время, а именно: он будет вытеснять пшавт Южного Вьетнама из сферы французского франка и втягивать его в сферу влияния американского доллара; вытеснит влияние французской экономики с тем, чтобы предоставить возможность американским империалистам и их сателлитам проникнуть и укрепиться на рынке Южного Вьетнама».

«США хотят любой ценой добиться своей цели — сжечь мост между Севером и Югом, вовлечь Южный Вьетнам в агрессивный блок СЕАТО и возобновить как можно быстрее военные действия против Северного Вьетнама. Реакционные круги США не хотят созыва нового Женевского совещания по индо-китайскому вопросу. Вот почему они поддерживают фашистского диктатора Нго Динь Дьема».

«Но эта политика идет вразрез с интересами вьетнамского народа, заинтересованного не в отдельных «выборах» на Юге, а в проведении общевьетнамских выборов, которые привели бы к национальному объединению Вьетнама».

«Нго Динь Дьем будет продолжать ту же экономическую политику, которую проведет в настоящее время, а именно: он будет вытеснять пшавт Южного Вьетнама из сферы французского франка и втягивать его в сферу влияния американского доллара; вытеснит влияние французской экономики с тем, чтобы предоставить возможность американским империалистам и их сателлитам проникнуть и укрепиться на рынке Южного Вьетнама».

«США хотят любой ценой добиться своей цели — сжечь мост между Севером и Югом, вовлечь Южный Вьетнам в агрессивный блок СЕАТО и возобновить как можно быстрее военные действия против Северного Вьетнама. Реакционные круги США не хотят созыва нового Женевского совещания по индо-китайскому вопросу. Вот почему они поддерживают фашистского диктатора Нго Динь Дьема».

«Но эта политика идет вразрез с интересами вьетнамского народа, заинтересованного не в отдельных «выборах» на Юге, а в проведении общевьетнамских выборов, которые привели бы к национальному объединению Вьетнама».

«Нго Динь Дьем будет продолжать ту же экономическую политику, которую проведет в настоящее время, а именно: он будет вытеснять пшавт Южного Вьетнама из сферы французского франка и втягивать его в сферу влияния американского доллара; вытеснит влияние французской экономики с тем, чтобы предоставить возможность американским империалистам и их сателлитам проникнуть и укрепиться на рынке Южного Вьетнама».

«США хотят любой ценой добиться своей цели — сжечь мост между Севером и Югом, вовлечь Южный Вьетнам в агрессивный блок СЕАТО и возобновить как можно быстрее военные действия против Северного Вьетнама. Реакционные круги США не хотят созыва нового Женевского совещания по индо-китайскому вопросу. Вот почему они поддерживают фашистского диктатора Нго Динь Дьема».

«Но эта политика идет вразрез с интересами вьетнамского народа, заинтересованного не в отдельных «выборах» на Юге, а в проведении общевьетнамских выборов, которые привели бы к национальному объединению Вьетнама».

«Нго Динь Дьем будет продолжать ту же экономическую политику, которую проведет в настоящее время, а именно: он будет вытеснять пшавт Южного Вьетнама из сферы французского франка и втягивать его в сферу влияния американского доллара; вытеснит влияние французской экономики с тем, чтобы предоставить возможность американским империалистам и их сателлитам проникнуть и укрепиться на рынке Южного Вьетнама».

«США хотят любой ценой добиться своей цели — сжечь мост между Севером и Югом, вовлечь Южный Вьетнам в агрессивный блок СЕАТО и возобновить как можно быстрее военные действия против Северного Вьетнама. Реакционные круги США не хотят созыва нового Женевского совещания по индо-китайскому вопросу. Вот почему они поддерживают фашистского диктатора Нго Динь Дьема».

«Но эта политика идет вразрез с интересами вьетнамского народа, заинтересованного не в отдельных «выборах» на Юге, а в проведении общевьетнамских выборов, которые привели бы к национальному объединению Вьетнама».

«Нго Динь Дьем будет продолжать ту же экономическую политику, которую проведет в настоящее время, а именно: он будет вытеснять пшавт Южного Вьетнама из сферы французского франка и втягивать его в сферу влияния американского доллара; вытеснит влияние французской экономики с тем, чтобы предоставить возможность американским империалистам и их сателлитам проникнуть и укрепиться на рынке Южного Вьетнама».

«США хотят любой ценой добиться своей цели — сжечь мост между Севером и Югом, вовлечь Южный Вьетнам в агрессивный блок СЕАТО и возобновить как можно быстрее военные действия против Северного Вьетнама. Реакционные круги США не хотят созыва нового Женевского совещания по индо-китайскому вопросу. Вот почему они поддерживают фашистского диктатора Нго Динь Дьема».

«Но эта политика идет вразрез с интересами вьетнамского народа, заинтересованного не в отдельных «выборах» на Юге, а в проведении общевьетнамских выборов, которые привели бы к национальному объединению Вьетнама».

# Без стыда

НАПЕЧАТАННАЯ австрийской газетой «Арбеттер-цейтунг» заметка, о которой пойдет речь ниже, не велика по размеру, но весьма примечательна по своему злобному антисоветскому характеру.

Моряки датского рыболовного судна, застигнутые на советском побережье, где, как пишет газета, «были дружески приняты русскими, снабжены ими горячим и получили от них добрые советы в обратный путь».

Таков факт. Но он явно не устраивает «Арбеттер-цейтунг», избегающую писать правду о Советском Союзе. Не будучи в силах опровергнуть непреложный факт, газета делает непристойную попытку его опровержить. Газета заявляет, что все это случилось «вопреки ожиданиям». В соответствии с этим утверждением редакция озглавила сообщение: «Русские на этот раз ины».

Всего несколько слов, а заводской лжи и ненависти к советским людям в них, пожалуй, больше, чем в иной фальшивке на целую газетную страницу!

Широко известно, что советские люди всегда оказывают помощь иностранным судам, терпящим бедствие, и не раз советские моряки спасали своих зарубежных товарищей от гибели, рискуя собственной жизнью. Это хорошо знают и грязные дел мастера из «Арбеттер-цейтунг».

Но что вообще газете «Арбеттер-цейтунг» до фактов? Датские моряки нашли убежище на побережье Калининградской области. Однако газета именуется его: «побережье Восточной Пруссии, оккупированное русскими». Как видно, редакторы «Арбеттер-цейтунг» вдобавок ко всему поточут читателей «сведениями», вполне пригодными для ревизионистской пропаганды.

Повстине, нет у этих господ ни стыда, ни совести.

«Американская комиссия по атомной энергии и Пентагон сообщают, что весной этого года в районе Южного океана на экспериментальном термоядерном реакторе на острове Энтивертон будут проведены новые испытания атомного оружия, однако испытания «сверхорудия» в о и в Южном океане не будут. (Из газет)»

«ПРОДАЕТСЯ собственность в Польше, состоящая из домов, земельных участков хозяйственного назначения, фабрик и т. д., находящихся в Кракове, Варшаве и других местах. В настоящее время все это имущество национализировано. Поэтому его приобретение могло бы произойти в расчете на будущие изменения.»

«Забудьте о том, что вы забыли: ящик С-20029, бюро объявлений «Нейе шюрхер цейтунг»,